

ВОЙНА И МЫ

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

**ЧУДО ПОД
МОСКВОЙ**

Война и мы

Алексей Исаев

Чудо под Москвой

«Яуза»

2019

УДК 94(47+57)"1944"
ББК 63.3(2)622.13

Исаев А. В.

Чудо под Москвой / А. В. Исаев — «Яуза», 2019 — (Война и мы)

ISBN 978-5-9955-1013-0

Произошедшее под Москвой за несколько недель с конца октября до 5 декабря 1941 г. трудно назвать иначе как чудом. После страшной катастрофы под Вязьмой и Брянском, поглотившей более 600 тыс. человек войск двух фронтов, Красная Армия сумела восстановить фронт, остановить натиск немцев на столицу, а позже и перейти в контрнаступление. В новой книге А. В. Исаева «чуду» придаются контуры рациональности. С опорой на советские и немецкие документы восстанавливается последовательность событий, позволившая советскому государству устоять на краю пропасти. Понадобилось хладнокровие, быстрота реакции и почти невероятное чутье Г.К. Жукова для своевременного парирования возникающих кризисов. Причем со страниц документов приходит понимание отнюдь не безупречного ведения оборонительной операции Западного фронта, с промахами на разных уровнях военной иерархии, едва не стоившими самой Москвы, упущенными возможностями обороны и контрударов. Какова роль великих Генералов Грязь и Мороз в чуде под Москвой? Какую роль в катастрофе вермахта сыграли многочисленные лошади пехотных дивизий? Блеск и нищета панцерваффе у стен Москвы. Стойкость курсантов и ярость танковых атак в двух шагах от столицы. Все это в новой книге ведущего отечественного историка Великой Отечественной войны. Издание иллюстрировано уникальными картами и эксклюзивными фотографиями.

УДК 94(47+57)"1944"
ББК 63.3(2)622.13

ISBN 978-5-9955-1013-0

© Исаев А. В., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Без резервов: Волоколамское шоссе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Исаев

Чудо под Москвой

Автор благодарит Д. Голубева, Н. Власова, П. Козлова и А. Томзова за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

Предисловие

Произошедшее под Москвой в октябре – ноябре 1941 г. может показаться чудом. Вермахт, доселе крушивший в «котлах» целые армии и даже фронты, почти остановился, а потом и оказался отброшен на запад. Более того, все это произошло после уничтожения главных сил Западного фронта в «котле» под Вязмой. Неудивительно, что часто ищут «перпендикулярные» ответы на вопросы о причинах столь скандальной неудачи германской армии после череды «блицкригов». Это и погодные условия, и новые танки Красной армии (будто бы их не было летом 1941 г.), и московское ополчение, безоружным бросаемое под немецкие танки, и, конечно же, «сибиряки» в одинаковых полушубках с автоматами ППШ, сметающие одетые в тонкие шинели толпы немцев с полей Подмосковья.

Жизнь, конечно же, гораздо сложнее схем. Восстановление целостного фронта после вяземской и брянской катастроф стало тяжелой работой, далеко не всегда приносившей ожидаемые результаты. Выстраиваемая линия обороны вновь обваливалась, вынуждая вновь и вновь выстраивать цепочку частей и соединений, собирать силы для контрударов. Прибывающие в Подмосковье соединения Красной армии оказывались плохо вооружены, посредственно обучены, а иногда и плохо одеты. Если называть вещи своими именами, то не все решения и действия советского командования, от Ставки и Г.К. Жукова до командиров армий, полков и дивизий, работали на достижение того самого «чуда». Некоторые действия или, наоборот, бездействие отдаляли победу в оборонительном сражении и увеличивали наряд сил на достижение перелома в его ходе.

Причем люди, владеющие реалиями 1941 г., понимают, что все эти события происходили на фоне жесточайшего кризиса противотанковой обороны Красной армии. Имевшиеся в войсках 45-мм противотанковые пушки совсем не гарантировали поражения немецких танков последних серий выпуска и САУ «Штурмгешюц». Можно даже сказать, что они были практически бесполезны при стрельбе по ним в лоб. Основным для «сорокапятки» был тупоголовый бронебойный снаряд с баллистическим наконечником. Этот снаряд давал хорошие результаты по броне танков 1930-х годов даже при попадании в броню под углом. Однако новейшая немецкая бронетехника оказалась «крепким орешком». Даже 40-мм броня «современного качества» поражалась под углом 30° только с дистанции 150 метров. Как позднее выяснилось на испытаниях немецких трофейных танков, их 50-мм лобовая броня высокой твердости пробивалась 45-мм бронебойным снарядом только с дистанции 50 метров. На больших дистанциях снаряды разрушались, не пробивая броню. Осенью 1941 г. ситуация усугублялась острой нехваткой самих пушек-«сорокапяткок», утраченных в больших количествах в летних боях. На страницах книги я на конкретных примерах покажу, каковы оказались последствия потерь. Все это заставляло Красную армию массово использовать в качестве противотанковых орудий массивные 85-мм зенитки. Одним словом, и без того сложное в реализации «чудо» восстановления фронта осложнялось кризисом противотанковой обороны.

При написании этой книги решалась, с одной стороны, простая, но с другой – сложная задача разобраться в механизме «чуда под Москвой»: какие действия одной и другой стороны привели к поражению вермахта у стен советской столицы. Для этого приходилось разбираться

с различными эпизодами оборонительного периода Битвы за Москву, в том числе опускаясь на тактический уровень. В рамках решения поставленной задачи автор сознательно ограничил круг рассматриваемых событий действиями центра и правого фланга Западного фронта, исключив как сражение за Калинин, так и сражение за Тулу. Одной из причин этого стал выход достойных, написанных на современном уровне работ М. Фоменко по боям за Калинин и С. Кондратенко по боям за Тулу.

Жители Москвы на строительстве укреплений. В кадр попал процесс эскарпирования, вертикальной обрезки берега реки для затруднения ее форсирования

В данном случае под «современным уровнем» понимается написание исторического исследования войны с опорой на документы обеих сторон. Без этого выстраивание адекватной картины событий невозможно. Как это неоднократно будет показано в процессе повествования, рассмотрение данных только одной из сторон не позволяет правильно выстроить причинно-следственные связи событий.

Одной из проблем в формировании адекватного образа происходившего на подступах к Москве с октября до начала декабря 1941 г. является отсутствие мемуаров командующих 5-й, 20-й, 33-й, 43-й и 49-й армий. С.Д. Акимов, К.Д. Голубев, М.Г. Ефремов, А.И. Лизюков, Л.А. Говоров и И.Г. Захаркин мемуаров не оставили. Тем более не осталось мемуаров А.А.Власова, при всей исходной сомнительности такового источника. Мемуары оставил лишь К.К. Рокоссовский, что смещает акцент в оценке и описании происходившего в сторону Волоколамского направления. Т. е. изначально за десятилетия уже есть канон и шаблон в построении повествования о Битве за Москву.

Общение с коллегами также подбрасывало загадок, требующих понимания и разбирательства. Когда-то давно ко мне подошел в зале архива Министерства обороны и подарил свою книгу «По полю танки грохотали...» исследователь и поисковик В.В. Степанов. В книге стави-

лись вопросы о характере и необходимости проведения частной операции на стремиловском рубеже в середине ноября 1941 г., в котором участвовала 26-я тбр. В 2012 г. В.В. Степанов безвременно ушел из жизни, не завершив ряда своих исследований. Одной из своих задач я видел ответы на вопросы об операции, в которой участвовала и понесла большие потери 26-й тбр. Тем более в наши дни у исследователя больше возможностей для работы с документами сторон, чем у поисковиков 1980-х. Зачем и почему проводилась эта частная операция на пороге грозных событий немецкого наступления на Москву?

Мое личное знакомство с Битвой за Москву состоялось 25 лет назад, в далекой юности, когда я еще не планировал профессионально заниматься историей, в темные 90-е. Тогда я ходил с миноискателем по местам боев с поисковым отрядом, но имел довольно туманные представления о том, что происходило в Кашеевом лесу, хоженном вдоль и поперек. С валяющимися на опушке искореженными корпусами «скрипуч» – немецких реактивных снарядов.

Имелись и другие импульсы для исследования. Вызванная горячие споры история, связанная с «28 панфиловцами», со всей остротой ставила вопрос с описанием действий 316-й сд (впоследствии 8-й гв. сд) в боях за Москву. Это соединение действительно оказалось в гуще боев как октября, так и ноября 1941 г., и даже немного жаль, что его действия ассоциируются в массовом сознании только с частной операцией 16 ноября 1941 г. Только «подкованные» в теме читатели знают «Волоколамском шоссе» А. Бека и воспоминания главного героя этого литературного произведения – Баурджана Момыш-Улы. Однако даже эти яркие тексты не дают полного представления о полных драматизма событиях, о которых повествуют боевые документы 316-й сд (8-й гв. сд).

Желание разобраться самому часто возникает вследствие вопросов, порождаемых прочитанным. Когда какая-то тема проработана хорошо, то остается прочесть, закрыть книжку и сказать: «Теперь я знаю об этом достаточно, картина ясна и понятна!» Хуже, когда тема интересная, а вот раскрытие оставляет желать лучшего. Так получилось с прочитанным в далеком 1997 г. материалом В.М. Сафирапо Наро-Фоминскому прорыву. Уже тогда он показался мне маловразумительным и сумбурным, а с течением времени это ощущение только усугублялось. Хуже того, стало складываться впечатление, что В.М. Сафир ставил своей главной задачей ослепительно высветить роль своего отца, участника событий. Понятное желание сына, но интересам дела это явно повредило. Привлечение же данных противника, уже в 1997 г. доступных по крайней мере в столице, тоже не стало сильной стороной работы В.М. Сафира. В итоге знаковый эпизод оборонительной фазы битвы за Москву остался в полутьме. Истинные масштабы наступления немцев в полосе 33-й армии М.Г. Ефремова в первые дни декабря 1941 г. оказывались значительно недооценены.

Данное исследование также не могло бы состояться без базы данных «Память народа», предоставляющей исследователям невиданные доселе возможности по работе с архивными документами Красной армии.

Часть первая

Фронт из ниоткуда

К 7 октября 1941 г. фронт на дальних подступах к Москве рухнул. Армии, стоявшие на пути войск группы армий «Центр», попали в окружение. В «котле» оказались 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и управления 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий Западного и Резервного фронтов. Организационно эти войска подчинялись 22, 30, 19, 19, 20, 24, 43, 31, 32-й и 49-й армиям и оперативной группе Болдина. Под Брянском в окружении оказались 27 дивизий, 2 танковые бригады, 19 артиллерийских полков РГК и управления 50-й, 3-й и 13-й армий Брянского фронта. Всего было окружено семь управлений армий (из 15 на западном направлении), 64 дивизии (из 95), 11 танковых бригад (из 13) и 50 артиллерийских полков РГК (из 64). Эти соединения и части входили в состав 13 армий и одной оперативной группы. Однако не все эти соединения были уничтожены. Из вяземского «котла» так или иначе пробились остатки 16 дивизий. Управление 16-й армии уже в первые дни сражения было эвакуировано для объединения войск в северном секторе Можайской линии обороны.

Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок (справа) и командир 197-й пехотной дивизии генерал-майор Герман Мейер-Рабинген. Деревня Никольское, октябрь 1941 г.

Планомерного отхода на вяземскую, а затем можайскую линии обороны не получилось. Вяземский рубеж вместе с находившимися на нем армиями оказался внутри обширного «котла». Единственную оставшуюся на пути к Москве систему оборонительных сооружений – Можайскую линию обороны – занимать было просто нечем. В распоряжении советского командования было всего лишь около полутора недель, которые требовались немцам на смену

выстроившихся по периметру кольца окружения танковых и моторизованных дивизий на пехоту и бросок высвободившихся моторизованных корпусов на Москву. Пока строго на восток наступали только дивизии XXXXI, LVI моторизованных корпусов 3-й танковой группы, XXXX и LVII моторизованных корпусов 4-й танковой группы. В состав первого входили 2-я моторизованная дивизия СС «Дас Райх» и 10-я танковая дивизия, второго – 258-я пехотная, 3-я моторизованная, 19-я и 20-я танковые дивизии. Повернув от Юхнова на северо-восток, «Дас Райх» уже 7 октября вышел к Гжатску. В наступление, больше похожее на форсированный марш, также были брошены несколько пехотных дивизий XII и XIII армейских корпусов. Однако передвигавшиеся пешком пехотные соединения не могли быстро преодолеть пространство от линии соприкосновения войск на начало «Тайфуна» до Можайской линии обороны. Сыграла свою роль также чрезмерно оптимистичная оценка обстановки командованием группы армий «Центр». По оценке штаба группы армий от 8 октября «...сложилось такое впечатление, что в распоряжении противника нет крупных сил, которые он мог бы противопоставить дальнейшему продвижению группы армий на Москву... Для непосредственной обороны Москвы, по показаниям военнопленных, русские располагают дивизиями народного ополчения, которые, однако, частично уже введены в бой, а также находятся в числе окруженных войск». Прямым следствием заниженной оценки возможностей советских войск было решение о повороте на север, в направлении Калинина. В «Приказе на продолжение операции в направлении Москвы» от 7 октября 1941 г. 9-я армия получила задачу вместе с частями 3-й танковой группы выйти на рубеж Гжатск, Сычевка, чтобы сосредоточиться для наступления в направлении на Калинин или Ржев. В основе этого решения лежал план разгрома противника силами северного крыла 9-й армии совместно с южным крылом 16-й армии группы армий «Север» в районе Белый, Осташков и нарушения сообщения между Москвой и Ленинградом. Решение это автоматически выводило из игры крупные подвижные соединения группы армий «Центр» – XXXXI и LVI моторизованные корпуса, которые требовалось сдерживать непосредственно на московском направлении. Только у одного соединения для этого была «уважительная» причина: 7-я танковая дивизия LVI корпуса была скована удержанием «котла» под Вязьмой. Она была сменена 35-й пехотной дивизией только 11 октября. Впоследствии бывший начальник штаба 4-й танковой группы генерал Шарль де Боло утверждал, что «Московская битва была проиграна 7 октября». По его мнению, все соединения его и 3-й танковой группы нужно было бросить на Москву. Де Боло писал: «к 5 октября были созданы прекрасные перспективы для наступления на Москву». Эти перспективы не были использованы, самые сильные соединения повернули на Калинин.

Первое, что можно было противопоставить противнику, – это авиация. По двигавшимся на восток колоннам мотопехоты активно действовали ВВС Западного фронта и 6-й авиакорпус ПВО Москвы. Последний задействовал в бомбо-штурмовых ударах двухмоторные истребители Пе-3 с подвеской бомб. 7 октября для объединения усилий авиации на Западном направлении на Западный фронт прибыл заместитель командующего ВВС Красной армии П.С. Степанов. В его распоряжение были дополнительно передан один авиаполк штурмовиков Ил-2, два – МиГ-3 с РС и один – пикирующих бомбардировщиков Пе-2. На 7 октября было запланировано прибытие одного штурмового и трех истребительных авиаполков, на 8 октября еще одного штурмового, четырех истребительных и одного бомбардировочного (на Пе-2) авиаполков. Большая часть истребительных авиаполков оснащалась самолетами с возможностью подвески РС для ударов по наземным целям. Всего со 2 по 10 октября советская авиация на Западном фронте выполнила 2850 самолето-вылетов, оставаясь в эти дни практически единственным средством замедления продвижения немцев к Москве. Не в последнюю очередь из-за воздействия авиации передовые части LVII корпуса преодолевали 50 км (дистанцию форсированного суточного марша), разделявшие Юхнов и Медынь, в течение шести дней. Интенсивные удары по наступающим колоннам немецких танковых и моторизованных дивизий сто-

или довольно дорого. Средний налет на одну потерю в октябре 1941 г. для штурмовиков Ил-2 составлял всего 8,6 вылета, один из самых низких показателей за всю войну.

Но, преодолевая взорванные мосты и налеты «пешек» и «илов», передовые части немцев неуклонно продвигались к строившейся с июля 1941 г. Можайской линии обороны. В период строительства для занятия можайского рубежа предполагалось использовать 25 дивизий. Из них в 35-м (Волоколамском) УР на фронте 119 км – шесть стрелковых дивизий; в 36-м (Можайском) УР на фронте 80 км – пять дивизий; в 37-м (Малоярославецком) УР на фронте 56 км – шесть дивизий и в 38-м (Калужском) УР на фронте 75 км – четыре дивизии. Кроме того, на каждом направлении намечалось иметь в резерве по одной стрелковой дивизии. Двадцати пяти дивизий в распоряжении командующего МВО генерал-лейтенанта П.В. Артемьева не было. На 1 октября 1941 г. на территории округа в стадии формирования находилось семь стрелковых дивизий (201, 322, 324, 326, 328, 330 и 332-я). Однако к немедленному использованию они еще не были готовы и пошли в бой только в декабре 1941 г. Тем более бесперспективным делом было бросать в бой рабочие отряды с одной винтовкой на несколько человек. Об ополчении и его роли будет рассказано позднее. Для немедленного противодействия немецкому наступлению нужны были части, сколь-нибудь подготовленные и сколоченные. Кроме традиционного участника всевозможных «групп» и «отрядов» 1941 г. – военных училищ – в распоряжении Военного совета МВО были только две запасные стрелковые бригады, находившиеся в начале октября на территории округа. Эти скромные силы были немедленно выдвинуты для занятия Можайской линии обороны, на которой еще находились десятки тысяч строителей. 6 октября 1941 г. Артемьев отдал приказ о занятии частями укрепленных районов можайского рубежа. В течение 6 и 7 октября поднятые по тревоге училища, отдельные части и подразделения были выдвинуты на Можайскую линию обороны.

В Волоколамский УР выдвигались Военное пехотное училище Верховного Совета РСФСР, батальон 108-го запасного стрелкового полка 33-й стрелковой бригады, две батареи ПТО (по восемь 85-мм орудий). В Можайский УР были направлены два стрелковых батальона 230-го запасного стрелкового полка, батальон Военно-политического училища, сводный отряд Военно-политической академии, Особый кавалерийский полк, отдельная танковая рота и два полка ПТО. В Малоярославецкий УР выдвигались Подольское пехотное училище, Подольское артиллерийское училище, 108-й запасной стрелковый полк (без одного батальона), 395-й артиллерийский полк ПТО (восемь 85-мм зениток обр. 1939 г.), 64-й артиллерийский полк, 517-й артиллерийский полк. Калужский УР на начальном этапе сражения войск для заполнения не получал и силами своего гарнизона должен был прикрыть направление Мосальск – Калуга.

Предпринятых руководством МВО мер было, разумеется, недостаточно. Требовались решительные шаги со стороны высшего руководства страны и армии. У возглавлявшегося маршалом Б.М. Шапошниковым Генерального штаба Красной армии было четыре потенциальных источника соединений для заполнения бреши, образовавшейся в результате окружения Западного и Резервного фронтов. Первым, ближайшим к Москве источником было северо-западное направление. Сделав сильный и неожиданный ход с рокировкой на центральный участок фронта 4-й танковой группы, немецкое командование почему-то не предусмотрело симметричного шага со стороны своих оппонентов. В связи с убытием в группу армий «Центр» большего числа подвижных соединений немцев соотношение сил под Ленинградом изменилось, что позволило высвободить целый ряд свежих дивизий. В сентябре Генеральный штаб Красной армии готовил контрнаступление, призванное деблокировать Ленинград. Для этого контрнаступления постепенно собирались резервы. Еще 10 сентября 1941 г. 32-я стрелковая дивизия Дальневосточного военного округа получила приказ о перевозке в Архангельский военный округ. 24 сентября она уже была направлена в район Волховстроя, где дивизия вошла в состав вновь созданной 4-й армии. В ту же 4-ю армию была направлена 9-я танковая бригада. Когда

со всей определенностью обозначилась картина вяземской катастрофы, 5 октября 1941 г., 32-я стрелковая дивизия получила приказ на погрузку в эшелоны и отправку в район Можайска. На следующий день получила приказ об отправке в Москву 9-я танковая бригада. Также 5 октября был отдан приказ о переброске по железной дороге из 52-й армии 312-й и 316-й стрелковых дивизий. Находившаяся в районе Ладожского озера 52-я Отдельная армия подчинялась Ставке, и по первоначальному замыслу вместе с 4-й армией предназначалась для операции по деблокаде Ленинграда. Но ситуация изменилась и дивизии понадобились для защиты столицы. Перевозка этих соединений, сыгравших ключевую роль в начальной фазе битвы за Москву, заняла несколько дней. Предназначенные для обороны Можайского УР части 312-й стрелковой дивизии начали прибывать по железной дороге 9 октября и выгрузку закончили только 12 октября, когда бои уже начались. Появление трех дивизий, занявших Можайский рубеж, было для немцев неожиданностью, хотя, по сути, советское командование просто отзеркалило рокировку 4-й танковой группы, переместив силы с временно затихшего участка фронта.

Вторым источником войск для выдвижения на подступы к Москве было Юго-Западное направление. Здесь ситуация была намного сложнее, рухнувший после окружения под Киевом в сентябре фронт был только что с трудом залатан и медленно откатывался на восток. Однако уход с ТВД 2-й танковой группы Г. Гудериана и части сил 1-й танковой группы Э. фон Клейста позволил высвободить сильные подвижные соединения – 2-й кавалерийский корпус П.А. Белова и 1-ю мотострелковую дивизию. Однако в связи с напряженной обстановкой 1-ю мотострелковую дивизию высвободили только 12 октября, а 2-й кавалерийский корпус только 26 октября. В связи с удаленностью ТВД от Москвы быстрого прибытия этих соединений ожидать не приходилось.

Как ни парадоксально это звучит, некоторые надежды могли возлагаться на прорыв из кольца окружения отдельных соединений и групп бойцов и командиров. В наибольшей степени этот фактор оказал влияние на восстановление фронта на Брянском направлении. Однако «вяземский котел» также дал некоторое количество соединений разной степени комплектности. Своего рода «счастливчиком» стала 53-я стрелковая дивизия, командир которой в первые же дни операции «Тайфун» оценил обстановку и повел своих подопечных на восток, умудрившись проскочить Юхнов за несколько часов до входа в город дивизии «Дас Райх». Далее дивизия двигалась на Медынь, где приняла активное участие в восстановлении фронта.

Наконец, последним, четвертым источником для построения обороны на подступах к Москве были резервы Ставки, соединения из внутренних округов и свежесформированные соединения. В частности, на следующий день после приказа о погрузке в эшелоны 31, 312 и 316-й стрелковых дивизий Б.М. Шапошников подписал директиву Забайкальскому фронту о переброске 93-й стрелковой и 82-й мотострелковой дивизий и Закавказскому фронту о переброске 31-й стрелковой дивизии. Не забыта была и авиация: 8 октября получили приказ на передислокацию под Москву три бомбардировочных авиаполка (по 2 °СБ в каждом) из Средней Азии. Полки преодолели 4800 км от Ашхабада до Егорьевска за 10 дней. Угроза немецкого наступления была очевидной, и некоторые дивизии начали перевозить до начала «Тайфуна». Например, еще 26 сентября, была заказана перевозка 238-й стрелковой дивизии из Среднеазиатского военного округа в Москву. Кроме того, уже 5 октября появилось постановление ГКО № 735сс «О формировании 24 полков ПТО, вооруженных 85 – мм и 37-мм зенитными пушками». Каждый полк должен был вооружаться восемью 85-мм и восемью 37-мм пушками. Первыми для усиления армий Западного фронта по этому постановлению формировались четыре полка за счет орудий 1-го авиакорпуса ПВО Москвы со сроком готовности 6 октября (!). Еще шесть полков должны были быть сформированы к 8 октября, четыре – 10 октября и последние десять – к 15 октября. Таким образом, сильная ПВО столицы, сказавшая свое веское слово в июле 1941 г., конвертировалась в сильную противотанковую оборону. Мощные и дальнбойные 85-мм зенитки стали одним из символов битвы за Москву.

Брошенные у дороги «Максимы». Потери станковых пулеметов в «котлах» стали серьезной проблемой для Красной армии в 1941 г.

Вскоре принимается решение объединить прибывающие на Можайскую линию обороны соединения под руководством четырех армейских управлений. Три из них выводились из вяземского «котла» – 16, 43 и 49-я армии, а 5-я армия формировалась заново. Во главе 16-й армии встал генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский, 43-й армии – генерал-лейтенант С.Д. Акимов, 49-й армии – генерал-лейтенант И.Г. Захаркин. Наследника сражавшейся в Припятских болотах армии М.И. Потапова – вновь формируемую 5-ю армию – возглавил уже успевший себя показать в боях под Мценском генерал-майор Д.Д. Лелюшенко. Позднее Д.Д. Лелюшенко вспоминал, как Б.М. Шапошников уверенно информировал его о предстоящем наполнении его армии войсками: «В ближайшие два дня в 5-ю армию прибудет с Дальнего Востока 32-я стрелковая дивизия, из Московского округа – 20-я и 22-я танковые бригады и четыре противотанковых артиллерийских полка. Через 5–8 дней поступят еще четыре стрелковые дивизии, формирующиеся на Урале. Кроме того, вам передаются 18-я и 19-я танковые бригады. Они ведут сейчас тяжелые бои под Гжатском. Бригады малочисленные, но стойкие». В 17 часов 10 октября директивой Ставки ВГК № 002844 командующим Западным фронтом был назначен Г.К. Жуков. И.С. Конев получил должность заместителя командующего фронтом, начальником штаба остался В.Д. Соколовский, членом Военного совета – М. Булганин.

К 10–12 октября 1941 г. оборону на можайском рубеже занимали три стрелковые дивизии, три запасных полка, один особый кавалерийский полк и два училища. Общая численность этих частей и соединений можно оценить в 45 батальонов. Это составляло около 30 % плановой плотности заполнения построенных УРов. В 35 (Волоколамском) УРе средняя плотность составляла 1 батальон на 1,8 км, в 36 (Можайском) УРе – 1 батальон на 1,3 км и в 37 (Малоярославецком) УРе – 1 батальон на 1,25 км. Плотности эти в разы превышали уставные, то есть обеспечивающие нормальное ведение оборонительных боев. Усугублялась ситуация обширными просветами между занятыми участками: из 220 км протяженности полосы обороны трех УРов были заняты около 30 % – 65 км. При таком разреженном построении войск можно было рассчитывать только на кратковременное сдерживание наступления немецких войск. Рассмотр-

рим события боев на Можайской линии обороны в октябре 1941 г., как того требует канон: от правого фланга к левому, справа налево, т. е. с севера на юг.

Без резервов: Волоколамское шоссе

В наступление на растянутую в один эшелон на фронте 41 км 316-ю стрелковую дивизию пошли свежие танковые соединения немцев, для которых операция «Тайфун» была дебютом на Восточном фронте. Это, в первую очередь, 2-я танковая дивизия. До 13 октября она была скована в боях в Вяземском «котле», 14 октября дивизия проследовала через Гжатск. Фактически 2-я танковая дивизия перемещалась с правого фланга группы армий «Центр» на левый, пересекая с юга на север полосу наступающих на Москву соединений. Только 16 октября дивизия перешла в наступление против закрепившейся в Волоколамском У Рв 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И.В. Панфилова. К тому моменту в 16-ю армию К.К. Рокоссовского были включены: кавалерийская группа генерал-майора Л.М. Доватора (50 и 53-я кавалерийские дивизии), восстановленная после выхода из «котла» 18-я стрелковая дивизия (без одного полка) и 22-я танковая бригада (29 Т-34 и 32 легких танка). Кавалерийской группой удалось прикрыть часть 100-километрового фронта 16-й армии, на которой противник не предпринимал решительных действий.

Путь в легенду начинался просто и буднично. Из трех перебрасываемых с северо-западного направления стрелковых дивизий 316-я сд направлялась в 35-й укрепрайон под Волоколамск. К.К. Рокоссовский в мемуарах описывал свое впечатление об И.В. Панфилове так:

«Понравилось мне и спокойное остроумие генерала. Оценивая участок от Болычево к реке Руза, где стоял один из его полков, он сказал:

– Да, здесь мы сели на колышки.

Меткая характеристика так называемой «укрепленной полосы» – вместо оборонительных сооружений там оказались только колышки, их обозначающие: строители больше ничего не успели сделать»¹.

Готовность 35-го У Ра действительно оставляла желать много лучшего, она характеризовалась самыми низкими показателями в ряду трех укрепрайонов, прикрывавших непосредственно столицу. В 35-м У Рв построили 36 % (74 из 203) намеченных для строительства ДОТов и 13 % (43 из 315) ДЗОТов.

О плотности обороны в целом говорит следующий факт: 1-й батальон 1073-го полка, которым командовал многим хорошо известный по повести А. Бека «Волоколамское шоссе» старший лейтенант Баурджан Момыш-Улы, занимал оборону на фронте 6,5 км. На Курской дуге такой фронт доставался некоторым дивизиям (пусть и типичной для лета 1943 г. численности в 5–6 тыс. человек), а не полкам или тем более батальонам. Вместе с тем Момыш-Улы оценивал рубеж обороны как «выгодный» и считал его «достаточно укрепленным для оказания сопротивления врагу».

Значительную часть фронта 16-й армии составлял пассивный участок, связывавший волоколамское направление с Калининым по восточному берегу р. Лама. Ни в планах немцев по состоянию на октябрь 1941 г., ни по факту активных действий на нем не наблюдалось. Участок прикрывался завесой в составе двух кавалерийских дивизий группы Доватора. Кавалеристы вели разведку отдельными разъездами к западу от Ламы.

Поворот крупных сил 3-й ТГр на Калинин стал для К.К. Рокоссовского подарком судьбы, т. к. не просто дал лишние несколько дней для подготовки обороны, а избавил от удара по разреженной обороне сразу целого танкового корпуса. Однако за подарок вскоре пришлось расплачиваться, когда переданную в подчинение 16-й армии 21-ю тбр пришлось отправить в Калинин «с целью ударом во фланг и тыл противнику содействовать нашим войскам в уничто-

жении Калининской группы войск противника»¹. Причем произошло это буквально за считанные часы до начала наступления немцев на позиции Волоколамского УРа.

В 16.00 16 октября К.К. Рокоссовский поднимает по тревоге 22-ю тбр и направляет ее в распоряжение И.В. Панфилова. Однако поучаствовать в бою с 18.00 до 20.00 того же дня успела только одна танковая рота бригады (10 Т-34 и 9 Т-30), контратаковавшая противника в районе Княжево, Федосьино (на северо-восток от Болычево). Уже в 22.00 22-я тбр получает приказ из штаба фронта «немедленно перейти в район Пушкино и войти в распоряжение командующего 5-й армией». Т. е. танковый резерв у Рокоссовского отбирают и бросают на восстановление катастрофического положения в полосе соседней армии.

Для восполнения изъятого в разгар боя резерва К.К. Рокоссовский получает еще одну танковую бригаду, 25-ю тбр полковника И.А. Таранова. Бригада с 1 по 20 октября 1941 г. формировалась в г. Горький и насчитывала к моменту завершения формирования 3 КВ, 11 Т-34 и 15 Т-60. Также достаточно традиционно для осени 1941 г. бригада получила восемь 57-мм противотанковых пушек. 20 октября бригада погрузилась в четыре эшелона и уже 21 октября прибыла в г. Истра. Однако 22 октября она, по приказу штаба Западного фронта вновь... изымается на Можайское направление. Поднятой по тревоге бригаде предписывается «форсированным маршем направиться через Звенигород в район Кубинка».

Тем временем над 16-й армией сгущаются тучи. В своем докладе начальнику штаба Западного фронта и ГШ КА от 23 октября К.К. Рокоссовский в целом верно определил главную опасность для своих войск: «Противник группирует главные силы на левом фланге 16-й армии для наступления в северо-восточном направлении, с целью перерезать коммуникации армии и отделить ее от Можайской и Московской группы наших войск»². При этом нельзя не отметить, что группировка противника штабом 16-й определяется не вполне точно. Так штаб Рокоссовского числил перед своим фронтом 6-ю тд и 129-ю ид, реально находившиеся в районе Калинина, а также 29-ю мд из танковой армии Гудериана. Разведка 16-й армии правильно идентифицирует 2-ю тд противника, но не вскрывает 11-ю тд (возможно, именно она скрывалась под «6 тд»).

Справедливости ради следует сказать, что в сводке ГРУ ГШ КА за 22 октября под Волоколамском фигурируют все те же «2, 6 тд, 29 мд»³. Если отвлечься от номеров соединений, то представление о группировке противника у штаба 16-й армии сложилось достаточно адекватное. Но ошибки с нумерацией не стимулировали вышестоящее командование выделять дополнительные резервы, особенно ввиду прояснения нумерации соединений на других направлениях.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 64. Л. 5.

² ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 64. Л. 43.

³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 187. Л. 116.

Командир 316-й сд генерал-майор И.В. Панфилов (слева) с офицерами штаба соединения

Именно в этот период немецким командованием принимается решение задействовать на Волоколамском направлении V армейский корпус в составе двух пехотных дивизий (35-й и 106-й ид). ВЖБД 4-й танковой группы указывалось: «V АК в составе 35-й и 106-й ид с сегодняшнего дня передан в подчинение ТГр, его задача – захват Волоколамска и продвижение на Клин». В дальнейшем предполагалось его использование для прикрытия северного фланга 4-й ТГр в ходе наступления в обход Москвы с севера. Помимо внезапности первый удар V АК оказывается существенно и внепланово усилен авиацией: из-за погоды запланированные действия VIII корпуса на северном крыле армии отменяются, и вся мощь авиакорпуса фон Рихтгоффена оказывается в распоряжении командования армейского корпуса на подступах к Волоколамску.

Когда в 15.00 24 октября состоялся разговор между начальником штаба фронта В.Д. Соколовским и начальником штаба 16-й армии М.С. Малининым, последнего предсказуемо упрекнули в завышении сил противника. В.Д. Соколовский прямо заявил: «На фронте вы сильно преувеличили вчера своим донесением противника. По нашим данным, 6 пд [так в документе, вероятно, все же 6 тд. – А.И.] 129 пд ушли на Калининское направление, 7 тд неизвестно пока где находится, она была сильно побита и, видимо, где-то далеко в тылу приводит себя в порядок»⁴. С этим трудно поспорить, указанные соединения действительно находились под Калинином, а 7-я тд в наступлении на Волоколамск не участвовала. Реальные же 35-я пд и 106-я пд оставались на тот момент не вскрытыми. Только по итогам дня 24 октября по документам убитого немца советская разведка фиксирует появление на Волоколамском направлении 106-й пд.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 215. Л. 127.

В итоге диалог М.С. Малинина с В.Д. Соколовским свелся к просьбам штаба 16-й армии в той или иной форме передать 126-ю сд, 690-й полк и управление которой уже находились под Волоколамском. Вообще нельзя не признать, что в тот момент оценка обстановки штабом Западного фронта не вполне отвечала реальности. В ЖБД фронта указывается: «Противник, не имея успеха в центре фронта, развивал наступление на правом фланге в направлении Волоколамск, а на левом – в направлении Серпухов». В действительности же имел место перенос усилий 4-й ТГр немцев на правый фланг, на Волоколамск и Истру, с целью обхода Москвы с севера. Соответственно с Можайского направления немцы вводили свои подвижные соединения.

Уже вечером Рокоссовский обращается в штаб фронта с докладом об угрожающем положении своей армии. «Прошу доложить Командующему [Г.К. Жукову. – А.И.] что для восстановления положения на левом фланге необходимо к утру подбросить минимум дивизию; если это сделать нельзя, то прошу тогда указаний, что делать дальше, ибо невольно фронт мой будет поворачиваться к югу и оттесняться в лесисто-болотистый район, не прикрывая направления на Ново-Петровское»⁵. Названное Рокоссовским «Ново-Петровское» (узел дорог на шоссе по дороге в Истру) по сути своей являлось эвфемизмом «на Москву». Аргументацию «дайте резервы или предложите решение» можно оценить как весьма грамотную, той же линии придерживался, например, Модель под Ржевом в 1942 г. Позднее, в 22.30 того же дня 24 октября последовал ответ за подписью В.Д. Соколовского, в котором командующему 16-й армии передавалась 18-я сд. Самый главный ответ шел третьим пунктом: «Новой дивизии у фронта нет». Строго говоря, новые дивизии имелись, но достались они не Рокоссовскому.

С целью не допустить прорыва танков противника на Волоколамск советскими войсками были созданы три противотанковых района. Первый район находился в деревне Спасс-Рюховское в составе 289-го полка ПТО майора Н.К. Ефременко в составе 16 76-мм орудий УСВ обр. 39 г. и 4 25-мм автоматических зенитных пушек. Второй район – Рюховское – образовывал 296-й арtpолк ПТО капитана Н.С. Алешкина в составе 20 76-мм орудий УСВ обр. 39 г. и 4 25-мм зениток. Третий – в районе Матвейково, Холстниково образовывали 3-я и 4-я батареи 768 арtpолка ПТО в составе 8 37-мм орудий. Это обеспечивало как цепочку опорных пунктов противотанковой обороны фронтом на запад, так и эшелонированную в глубину оборону фронтом на юг.

В свою очередь германское командование принимает решение усилить натиск на Волоколамск. Необходимо подчеркнуть, что этот удар осуществлялся ценой остановки наступательных действий на других направлениях. В ЖБД 4-й ТГр 25 октября указывалось: «XXXXVI тк в общем и целом вынужден остановиться из-за проблем со снабжением. Последние корпусные резервы горючего переданы сегодня для наступления на Спасское. Основная масса корпуса израсходовала свои запасы, которые необходимо пополнять заново». Волоколамск в тот момент являлся для 4-й ТГр одним из двух ключевых направлений (вторым было наступление 10-й тд, о котором рассказано ниже).

На период наступления на Волоколамск 2-я тд передавалась из XXXXVI корпуса в подчинение V АК. Однако именно 25 октября 2-я тд еще действовала отдельно, хотя и во взаимодействии с соседом. Согласно ЖБД V АК план на 25 октября предполагал «продолжение наступления, главный удар в полосе 35-й ид, которая должна свернуть русские позиции ударом с юга». Точно так же удар 2-й тд нацеливался в направлении с юга на север, «смаывая» оборону 16-й армии у Волоколамска.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 215. Л. 128.

Танки Pz.III 11-й танковой дивизии в наступлении под Волоколамском

Первой целью наступления 2-й тд являлось Спасс-Рюховское (по немецким документам проходившее как «Спасское»). Деревню, превращенную в опорный пункт обороны, предполагалось атаковать «боевой группой Бака» из 2-й тд, названной так по имени командира – подполковника Ганса-Ульриха Бака, командира 304-го мотопехотного полка. В состав боевой группы входили: 304-й мп, 703-я рота тяжелых пехотных орудий, 1-я рота 38-го противотанкового дивизиона, штаб и I батальон 3-го танкового полка, штаб, штабная батарея, 1-й и 3-й дивизионы, наблюдатели 74-го артполка, 3-я рота 38-го саперного батальона, части 76-го легкого зенитного дивизиона. По боям в районе Спасс-Рюховского и Рюховского сохранились довольно подробные отчеты участвовавших в бою подразделений, поэтому имеет смысл описать эти события подробнее, в первую очередь как тактический пример действий немцев в наступлении на опорные пункты Красной армии под Москвой.

В отчете о действиях II батальона 304-го мотопехотного полка 2-й тд, наступавшего непосредственно на Спасс-Рюховское, в оценке обстановки прямо указывалось: «Позиции противника организованы таким образом, что атака с юга на север почти не имеет шансов на успех». В итоге немцами принимается решение атаковать по обе стороны шоссе двумя группами, где более сильной являлась наступающая к западу от дороги на Спасс-Рюховское. Ее задачей становится наступление через высоту 202,8 к юго-западу от советского опорного пункта и последующая его атака с запада.

Несмотря на достаточно серьезную оценку советской обороны, первоначальный план атаки носил черты «кавалерийского наскока». В отчете танкистов 2-й тд по итогам боев он описывался следующим образом:

«I батальон 3-го тп (без 3-й роты) берет на броню в Осташево и Становищах по одной стрелковой роте, затем движется маршевой колонной от Становищей, в 1,5 км севернее Становищей поворачивает на северо-северо-запад и с ходу атакует Спасское с юго-запада. На главной дороге, ведущей напрямую от Становищей на Спасское (не указана на немецкой карте 1:100 000), будут действовать части 8-й роты, которым поставлена задача наблюдать за противником и сковывать его боем. 3-я рота 3-го тп вместе с 7-й ротой 304-го сп должна по разведанным накануне дорогам двигаться через Вараксино, Кузьминскую и Чертаново таким образом, чтобы она раньше батальона атаковала Спасское с юго-востока, востока или северо-востока (по ситуации)».

Еще одно фото из серии, снятой в 11-й тд под Волоколамском. Обращает на себя внимание второй ящик для вещей (роммель-кисте) на корме первого танка, видимо, снятый с подбитого танка

Т.е. предполагалось взять Спасс-Рюховское в танковые «клещи» с запада и востока. В какой-то мере это объясняется обещанной поддержкой пикировщиков, удар которых действительно мог серьезно пошатнуть устойчивость обороны.

Нельзя сказать, что немецкое наступление застало советские части врасплох. Член Военного совета 16-й армии А.А. Лобачев, побывавший в Спасс-Рюховском незадолго до немецкой атаки, вспоминал: «В два часа ночи 25 октября весь личный состав 289-го полка подняли на ноги. Ефременко отдал приказ выложить у каждого орудия по 100 снарядов»⁶. Более того, по приказу И.В. Панфилова, подписанному в

23.40 24 октября, предполагался вывод в резерв 1-го батальона 1073-го полка и 4-й роты этого же полка с сосредоточением в районе Крюково, отм. 218,6, Пагубино, Холстиково. Здесь предполагалось занять оборону и быть готовым к контратакам. К сожалению, командир 1/1073 Б. Момыш-Улы получил приказ только в 7.00 утра 25 октября и уже не успел выйти в назначенный район.

Наступление немцев 25 октября началось в 5.30 утра с обстрела боевых порядков советских войск минометным огнем. В 7.20 огонь артиллерии и минометов усилился. В 9.00 последовал удар по Спасс-Рюховскому 12 самолетами. Противотанковый полк потерь от налета не понес. Последовавший в

9.40 еще один авиаудар 25 самолетами, сбросившими полторы сотни бомб, принес им первые потери, четверо убитых и выведенное из строя орудие. В ЖБД 2-й тд воздействие авиации на советскую оборону оценивается достаточно высоко: «Результат первой атаки пикировщиков: подавлены батареи северо-восточнее Спасского, батареи к западу от него не найдены».

Наконец, после череды авиаударов, последовала атака танков с десантом мотопехоты. В советском тактическом описании боя указывалось: «по мере приближения танков противника

⁶ Лобачев А. А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. С. 221.

к нашей обороне было обнаружено, что почти за каждым танком была прикреплена волокуша, на которой буксировалась пехота»⁷. Однако упоминания о подобном приеме в достаточно подробных немецких отчетах по итогам боя отсутствуют. В наградных по данному эпизоду, впрочем, упоминаются танковые десанты. Еще одно ударное подразделение боевой группы Бака наступало через Лукино на Милованье. Под ударом танков и мотопехоты занимавшие позиции на фронте Лукино, Становище подразделения 1075-го полка дивизии И.В. Панфилова стали отходить назад, к опорному пункту противотанкового полка в Спасс-Рюховском.

Командир немецкой 2-й тд генерал-лейтенант Р. Файель

В изданном вскоре после войны тактическом учебнике «Бой стрелковой дивизии» приводились воспоминания бывшего начальника оперативного отделения 316-й сд капитана К.П. Гофмана. Он вспоминал, что лично прибывший на КП дивизии в Рюховское Рокоссовский приказал соединить его по телефону с командиром 289-го полка ПТО майором Н.К. Ефременко. Выслушав краткий доклад командира полка, командующий 16-й армией передал ему следующее: «Противник наносит свой главный удар вдоль шоссе на Волоколамск с целью отрезать главные силы дивизии и прорваться к Москве. Пехота 1075-го полка, действующего на этом участке фронта, очень слаба. Ваша задача не допустить прорыва танков противника через Спасс-Рюховское, чего бы это ни стоило. Пехота 1075-го полка обеспечит полк от просачивания в ваши боевые порядки пехоты противника»⁸.

Опорный пункт 289-го полка ПТО действительно стал «крепким орешком». Несмотря на первоначальный успех с опрокидыванием изначально оцененной Рокоссовским как «слабой» пехоты, вскоре намеченный немцами план кавалерийского наскока дал трещину. В отчете командира боевой группы 2-й тд указывалось: «Когда передние танки с пехотным десантом из состава левой группы выехали из леса юго-восточнее высоты 202.8, противник немедленно открыл по ним огонь артиллерии, ПТО и пулеметов. Передний танк наскочил на мины».

Советское описание того же момента боя выглядит так: «В 10.10 с направления Становище на Спасс-Рюховское появились три танка противника, но, встреченные огнем противотанковой артиллерии [289-го] полка, ушли в южном направлении в лес». Уход в сторону привел к подрыву на mine, но танки одновременно укрылись от губительного огня советских 76-мм

⁷ Боевые действия стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1958. С. 408.

⁸ Боевые действия стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1958. С. 409.

пушек. В отчете танкистов 2-й тд указывалось: «Избежать дальнейших потерь удастся потому, что рота находится в низине, и снаряды противника летят через роту в сторону 4-й роты и штаба». Кроме того, бить по танкам с дальней дистанции мешала отходящая пехота 1075-го полка, как позднее писалось, противотанкисты «не могли вести огонь по вражеским танкам во время отхода нашей пехоты из-за опасности поражения ее своим огнем»⁹. Одновременно ввиду ухода в низину немецкие танки пропадают из поля зрения, что заставляет советских артиллеристов сделать вывод об уходе, отступлении.

К полю боя подтягиваются немецкие саперы, которые начинают разминирование. Относительно принятых для ускорения процесса мер в отчетах времен войны немцы не стеснялись, в отчете по итогам боев похода сказано: «На помощь ему [саперному батальону] гауптман Виллинг направил пленных, которых заставляет топтаться по минному полю».

Начальник артиллерии 16-й армии В.И. Казаков

Уход танков немецкой левой ударной подгруппы с линии огня и «утыкание» ее в минное поле привело к тому, что как главная опасность советскими командирами оказывается оце-

⁹ Боевые действия стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1958. С.408.

нена вторая, реально более слабая группа немецких танков и пехоты (усиленная рота мотопехоты и рота танков), атаковавшая через Чертаново. По штату 1941 г. танковая рота на Pz.НІ и Pz.ІІ насчитывала 22 машины. Сила этой группы оценивается советской стороной в 80 танков с пехотой, «впереди которой двигались шеренгой автоматчики – примерно по 30 человек против каждого батальона». Трудно сказать, какой тактический прием немцев заставил оценивать атаку столь экзотическим способом (хотя действия атакующих поддерживались автоматическим огнем, но это были станковые пулеметы, об этом в явном виде написано в немецком отчете о действиях).

Сама деревня Чертаново, судя по советским и немецким данным, в тот момент находилась на ничейной полосе, никто ее не занимал. Однако севернее Чертаново немцы натолкнулись на обширное минное поле, которое, впрочем, не прикрывается огнем. Пока саперы снимали мины, мотострелки и танкисты отправились искать брод через ручей, вскоре найденный в 1 км севернее Чертаново. К броду подтягиваются главные силы группы. Лишь незадолго до пересечения ручья по найденному броду немцы попадают под огонь из Спасс-Рюховского. После форсирования ручья огонь обороны усиливается, как указывалось в немецком отчете о действиях: «мы оказались под еще более сильным обстрелом из зениток, ПТО и пулеметов из Левлево [на советских картах Ивлево. – А.И.]». В Ивлево находилось два орудия 2-й батареи 289-го полка.

Началась дуэль между противотанковыми пушками и танками, как она обозначена в немецком отчете о действиях: «разворачивается ожесточенный бой с ПТО и артиллерией, которые занимают позиции по обе стороны от Левлево». При этом немецкой стороной особо отмечается роль в бою точной стрельбы экипажей танков. По советским данным достоверно известно, что танками подбивается одно из двух орудий в Ивлево, судьба второго остается неизвестной. Под удар наступающих от Чертаново танков и пехоты попадает 5-я батарея 289-го полка к юго-востоку от Спасс-Рюховского. Про нее в докладе В.И. Казакова есть только короткая, но страшная фраза: «Ни один из личного состава батареи из боя не вернулся. Судьба орудий неизвестна».

Тем временем развивалась атака левой ударной подгруппы на высоту 202,8 к западу от Спасс-Рюховского. Обширные минные поля вынуждают поначалу вести атаку только мотопехотой, как указывалось в немецком отчете: «При огневой поддержке артиллерии и остановившихся перед минным полем танков (минное поле находилось в 1500 метрах от высоты) пехоте удалось захватить высоту». Атака также энергично поддерживалась станковыми пулеметами, которые позволили ворваться на выс. 208, 2 с запада.

Разреженные порядки своей пехоты вынуждают артиллеристов 289-го противотанкового полка пустить в дело имевшееся у них стрелковое оружие (2 станковых, 9 ручных пулеметов и винтовки). В докладе командующего артиллерией 16-й армии В.И. Казакова по итогам боев указывалось: «Для того, чтобы отсечь пехоту от танков, орудия вели попеременно огонь бронбойными снарядами по танкам противника и шрапнелью на картечь по пехоте»¹⁰. Согласно наградному именно командир полка майор Н.К. Ефременко отдает приказ от орудий не отходить и вести огонь попеременно бронбойными и картечью.

После захвата высоты последовала атака немцев на Спасс-Рюховское с запада, причем, как подчеркивается в отчете, «без помощи танков, потому что на полпути между высотой 202.8 и Спасском было обнаружено еще одно минное поле». Однако в захвате Спасс-Рюховского танки все же успевают поучаствовать, после пробивания прохода в минном поле. Это подтверждается советскими данными. Как указывается в отчете Казакова: «3 орудия 4-й батареи были смяты танками, атаковавшими с фланга и тыла». 4-я батарея 289-го полка находилась на южной окраине Спасс-Рюховского, т. е. она оказывается атакована с запада и из деревни с тыла.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 230. Л. 92.

Успеху атаки советского опорного пункта с запада также способствовал его обход с востока второй ударной подгруппой немцев. После боя с 2-й и 5-й батареями 289-го полка немецкие танки с десантом вышли на дорогу, идущую дальше на север, к Рюховскому. По немецкой версии событий, после этого последовал прорыв из Спасс-Рюховского: «Поскольку противник обнаружил, что его путь отхода от Спасского на Рюховское перерезан, он попытался уйти из Спасского в Левлево через лес северо-восточнее Спасского. Пулеметным огнем этим отступающим частям противника были нанесены большие потери...» Отголоски этого развития событий присутствуют в советском отчете, в котором сказано следующее: «В 12.40 командный пункт полка, находившийся в Спасс-Рюховское, был окружен танками с автоматчиками с левого фланга и пехотой с правого фланга. При выходе из окружения с боем, штаб потерял около 30 % личного состава»¹¹. Прорыв из окружения обозначил финал борьбы за опорный пункт 289-го полка ПТО, по немецким данным фиксируется его захват в полдень, в 12.00 берлинского времени, т. е. в 13.00 по московскому времени. Потери 289-го полка ПТО составили 5 орудий, разбитых артиллерийским огнем из танков, 7 орудий, подавленных гусеницами и судьба 2 орудий осталась неизвестной¹².

Помимо собственно деревни в руки немцев рядом со Спасс-Рюховским попадает находящийся поблизости аэродром. Практически сразу же запрашивается его состояние и наличие или отсутствие минирования. Предполагалось использовать аэродром для снабжения передовых частей по воздуху.

Однако с овладением достаточно сильным советским опорным пунктом в Спасс-Рюховском события дня 25 октября на подступах к Волоколамску не завершились, они только начались. Как указывалось в германском отчете о действиях: «Уже в ходе атаки стало понятно, что захват Спасского не имеет смысла, если одновременно не будет взято под контроль Рюховское, потому что последнее находится на господствующей высоте». Задача в сильной степени облегчалась тем, что на том же направлении наступала соседняя 35-я пехотная дивизия V АК. По существу, опорный пункт 296-го полка ПТО уже находился под ударом с запада.

Командованием боевой группы 2-й тд принимается решение без паузы одновременно атаковать Рюховское 3-й ротой I батальона 3-го тп с пехотным десантом с юго-востока, 2-й ротой с юга, 1-й и 4-й ротами с юго-запада. На Рюховское при этом уже переносится огонь немецкой артиллерии, что облегчает атакующим задачу сближения с позициями 296-го полка ПТО. Как указывалось в отчете командира 7-й роты (вторая ударная подгруппа немцев на этом направлении): «Во время обстрела мои солдаты подошли вплотную к населенному пункту».

Атака немецкого танкового батальона на Рюховское начинается в 12.30, через полчаса после завершения боя за Спасс-Рюховское. Она осуществлялась одновременно, но с разным темпом. Ввиду непроходимой местности справа и слева от дороги 3-я танковая рота движется на Рюховское «на максимальной скорости и без огневого прикрытия». Один из танков роты подрывается на mine. Однако еще одной машине с крестами на бортах удается ворваться на позиции противотанковых орудий. Следующей к Рюховскому выходит 2-я танковая рота, которая, проскочив деревню, прорывается до Пагубино (следующего населенного пункта на дороге на Волоколамск). Все это время две другие танковые роты медленно подвигаются по бездорожью к западу от дороги на Рюховское и ведут дуэль с противотанковыми пушками 296-го полка ПТО. Тем самым они сковывают гарнизон опорного пункта и облегчают его атаку с других направлений.

При этом нельзя не отметить, что артиллеристы с танкистами «сыграли вничью» – ни потерь орудий 296-го полка, ни танков 3-го тп в этой перестрелке не фиксируется.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 230 Л. 93.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511 Д. 230 Л. 96.

В докладе В.И. Казакова этот момент обозначается как переломный в ходе боя: «Личный состав орудий стал нести большие потери от автоматического и пехотного огня противника. 6 орудий полк (2 орудия 1-й батареи; 4 орудия 2-й батареи) были раздавлены танками и уничтожены их огнем». 1-я батарея находилась на южной окраине Рюховского, 2-я батарея – выносилась на позиции южнее, к западу от Спасс-Рюховского и, очевидно, попала под удар гораздо раньше. Командир 296-го полка ПТО капитан Н.С. Алешкин оценивает ситуацию как бесперспективную и решает отходить, приказывая выводить орудия и тягачи на южную окраину станции Волоколамск. Полк побатарейно отходит через леса восточнее и северо-восточнее Рюховское (в тыл, на шоссе к Пагубино к тому моменту уже вышли танки и мотопехота противника). Как указывалось в немецком отчете мотопехотного батальона: «в 13:30 [берлинского времени] упорно обороняемый и заминированный населенный пункт захвачен». Т. е. бой за Рюховское шел около часа. В деревне, в которую несколько часов назад приезжал командарм Рокоссовский, теперь хозяйничали немцы. У церкви в деревне проходило совещание немецких командиров о дальнейших действиях.

Решение командира 296-го полка ПТО отходить уже после часа боя выглядит не вполне обоснованным. Однако перспективы обороны Рюховского представляются сомнительными и, несомненно, привели бы к быстрому уничтожению полка. По крайней мере, командование оценило действия Н.С. Алешкина как соответствующие обстановке, и по итогам октябрьских боев 1941 г. он представляется к ордену Красного Знамени. К своим полк вышел к исходу 26 октября в составе 5 орудий УСВ обр. 39 г. и 4 зенитных пушек.

Собственно о напряженности боя за Рюховское свидетельствуют достаточно тяжелые людские потери артиллеристов. Полк капитана Н.С. Алешкина потерял 63 человека убитыми и 48 человек пропавшими без вести. За 25 октября 6 76-мм орудий УСВ обр. 39 г. 296-го полка ПТО были уничтожены противником, два орудия пришлось взорвать при отходе, еще из двух вынули замки (это были французские пушки из УРа) и одно орудие пропало без вести вместе с расчетом. В числе потерянных также числилось 6 тракторов СТЗ-5-НАТИ, уничтоженных огнем противника, и 4 трактора пропавших без вести (скорее всего, оставленных в Рюховском). Полк претендовал на 16 подбитых немецких танков, что представляется сильно завышенной заявкой.

Однако молниеносного прорыва к станции Волоколамск после захвата Рюховского все же не последовало. В немецком отчете о действиях указывается, что 2-я танковая рота успевает пройти через Пагубино на север и выходит к мосту у Крюково, который подрывается при приближении танков. Попытка преодолеть речку вброд приводит к подрыву танка на mine. Одновременно приказ прорываться к станции сразу же (через полчаса после овладения Рюховским) отдается небольшой группе немецкой пехоты и саперов на «спине» танковой роты. Однако группа наткнулась на советскую оборону южнее Пагубино, мост через ручей взлетает на воздух при приближении к нему танков, а местность по обе стороны от дороги оказывается не только заболочена, но и заминирована. Может показаться, что это один и тот же эпизод, но он примерно одинаково излагается в разных докладах. Также указывается, что перестрелка продолжилась уже в темноте: «головная машина обстреляна из ПТО после того, как русские выпускают белые осветительные снаряды». Вечером под Пагубино стрелять по немцам было уже некому. Оппонентом немецких танкистов в этой ночной перестрелке являлась 3-я батарея 768-го полка ПТО. Потеря в матчасти она не имела, в итоге отошла к станции Волоколамск. Кто же задержал прорыв у Пагубино? Скорее всего, какая-то отходящая группа из 1075-го полка заняла Пагубино уже после прорыва через деревню танков и организовала оборону, предотвратив стремительное развитие немецкого прорыва на север.

В 15.00 боевая группа Бака получает по радио приказ из штаба 2-й тд «прорываться к Волоколамску». Побудительной причиной данного указания является, скорее всего, отмечен-

ное в ЖБД дивизии донесение воздушной разведки в 14.40: «наши танки севернее Рюховского, в 15:00 на станции Волоколамск и южнее станции здания горят, сильный дым».

Командир батальона 1073-го сп 316-й сд Баурджан Момьши-Улы

Замеченные летчиками танки, это или бой у Пагубино, или рота у Крюково.

Особого энтузиазма приказ не вызвал: начать наступление ранее 15:45 было невозможно, после чего оставался лишь один час до наступления темноты, изначально не оставалось никаких сомнений, что достичь поставленной цели не получится. Тем не менее мотопехота и саперы взбираются на танки и начинают движение вперед. Несмотря на очевидную невыполнимость первоначального приказа, выдвижение из Рюховского на север существенно меняет соотно-

шение сил на подступах к Пагубино. Деревня атакуется пехотой при поддержке огня танков и станковых пулеметов и вскоре оказывается захваченной. Далее немецкая мотопехота продвигается до Крюково, где по остаткам моста перебирается через речку, образуя плацдарм. Уже в темноте разминировается брод и плацдарм на подступах к Волоколамску усиливается танками.

Такая же работа ведется у только что захваченного Пагубино, к 20.00 брод через ручей разминирован, и через Пагубино пропускаются танки дальше на север. Бронированный кулак встает у Крюково в ожидании строительства (восстановления) взорванного моста. Несмотря на обстрел орудий и минометов, пусть и стрелявших в темноту, к 23.00 мост готов.

В ходе боя КП 316-й сд переносится в Холстниково, к северу от Пагубино на дороге в Волоколамск. Судя по вечерней оперсводке за 25 октября штаб дивизии И.В. Панфилова имел достаточно туманные представления о положении 1075-го полка, который числится обороняющим рубеж «Щекотово, Милование, Спасс-Рюховское, Ивлево, Рюховское»¹³, еще в середине дня занятый немцами. 1075-й полк отбрасывается как минимум в Пагубино. Оперсводка вообще довольно странная, т. к. уже около 17.00–18.00 25 октября И.В. Панфилов отдавал приказы с КП Возьмище к востоку от Волоколамска (поначалу писалось «Возминское»). Вместе с тем никак нельзя сказать, что штаб 316-й сд впал в прострацию. Немецкий танковый удар создал серьезную угрозу для дивизии в целом. Следующим шагом, ударом на Волоколамск, немцы могли попросту перехватить пути отхода главных сил дивизии. Поэтому с наступлением темноты, когда окончательно определились масштабы катастрофы, принимаются срочные меры по стабилизации положения. Штаб И.В. Панфилова около 18.00 25 октября отдает сразу несколько приказов. 1077-й и 1073-й полки 316-й сд отводятся на ближние подступы к Волоколамску, а в систему обороны города встраивается 690-й полк из резерва 16-й армии. Окончательно решение закрепляется общим приказом в 22.00 25 октября. 1077-й полк ставится в оборону Волоколамска с востока с передним краем по р. Лама, 690-й полк – с юга и 1073-й полк – выводится в резерв в район к востоку от Волоколамска. 1075-й полк И.В. Капрова отводится на рубеж железной дороги дальше к востоку: «Жданово, Нелидово, Петелино».

Вскоре именно это решение, поставить на ключевое направление восстанавливаемый 690-й полк стало одной из главных претензий к командованию 316-й сд и 16-й армии.

Командовал полком капитан (!) Семиглазов. Хотя полк насчитывал около 1000 человек, его стойкость вызывала обоснованные сомнения. Вместе с тем именно 690-й полк усиливался одним реально оставшимся в строю полком ПТО (768-м ап) и новым оружием – переданными из резерва армии двумя ротами противотанковых ружей.

И.В. Панфилову, как и другим, не могло все время не везти. На реализацию отданных им приказов ему неожиданно дается суточная передышка. В докладе оперативного отдела 2-й тд в штаб XXXXVI тк прямым текстом указывается следующее: «Группа Бака располагает запасом горючего, которого хватит на полчаса танковой атаки. Тяжелое вооружение (как пехотное, так и артиллерийское) из-за нехватки горючего не может быть перебросено к фронту. В связи с этим командование дивизии вынуждено отказаться от планомерного наступления на город и высоты до прибытия достаточного количества горючего»¹⁴. Цистерны горючего, имевшиеся на захваченной немцами станции Волоколамск, – сгорели.

Возникшая на подступах к Волоколамску пауза позволяет подвести некоторые итоги. По немецким данным от огня советской артиллерии и подрыва на минах в I батальоне 3-го тп в ходе боя 25 октября вышли из строя 11 Pz.III, 1 Pz.II¹⁵. В качестве захваченных в качестве трофея или уничтоженных немецкими танкистами заявляются 7 орудий 7,62-см (очевидно, УСВ),

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 1063. Оп. 1 Д. 11 Л. 44.

¹⁴ NARAT315 R91 frame 711.

¹⁵ NARAT315 R91 frame 705.

4 орудия 15-см, 4 зенитки (вероятно, 25-мм автоматические пушки), 14 ПТО, 4 «катюши», 40 грузовиков (в том числе несколько тягачей), «прочее военное имущество в большом количестве».

В целом нельзя не отметить достаточно быстрый и энергичный прорыв немецких танков и мотопехоты сразу через два советских противотанковых опорных пункта – Спасс-Рюховское и Рюховское. Фактически именно бросок к станции Волоколамск 25 октября решил судьбу самого Волоколамска. При этом прорыв происходил отнюдь не через разгромленные с воздуха пикирующими бомбардировщиками позиции.

Первая причина – это, безусловно, грамотное планирование атаки. Вопреки утверждению в советском учебнике «Бой стрелковой дивизии» («Убедившись, что населенный пункт Спасс-Рюховское не взять в лоб...») с самого начала немцами планируется обходной маневр. Охват с двух сторон приносит успех как созданием благоприятной обстановки для атаки опорного пункта с запада, так и перехватом путей отхода.

Второй причиной является хорошая выучка мотопехоты. Именно атаки пехоты стали причиной расшатывания обороны опорных пунктов. В.И. Казаков в своем докладе прямо написал: «Артиллерия совершенно не имела потерь от танков и имела совершенно незначительные потери от авиации противника (несмотря на интенсивную бомбардировку 25 самолетов), как в личном составе, так и в материальной части, до тех пор, пока не понесла тяжелых потерь от пехоты и автоматчиков противника, зашедшего на фланг и тыл боевых порядков артиллерии». Атаки танков уже довершали дело, хотя их огонь и маневр тоже сыграли немалую роль.

Третьей причиной успеха являлось тесное взаимодействие мотопехоты, танков, инженерных частей и артиллерии. Причем в очередной раз показали себя полугусеничные тягачи, в отчете танкистов об этом сказано особо: «В ходе наступления на Спасское очень хорошо зарекомендовала себя практика придавать головной роте артиллерийское орудие. Оно может быть быстро использовано для ведения прямой наводкой огня по тяжелому вооружению противника». Взаимодействие можно было бы назвать отличным, но в отчете танкистов 3-го тп есть осторожная жалоба на действия пехоты: «однако желательно, чтобы стрелки принимали более активное участие в подавлении противотанковых средств противника – по меньшей мере, осуществляли бы целеуказание».

Весьма важную роль в этом конкретном тактическом эпизоде сыграла радиосвязь. В немецком «мотопехотном» отчете о действиях это отмечалось особо: «Только благодаря артиллерийской радиосвязи (передовые наблюдатели в стрелковых ротах) и танковой радиосвязи имелась возможность отдавать своевременные приказы активно действовавшим стрелковым ротам, поскольку ни легковые автомобили, ни мотоциклы не могли передвигаться по раскисшим дорогам и за их пределами, а вестовые в условиях быстрого развития боя не могли своевременно добраться до подразделений». Кроме того, командиру батальона 304-го мотопехотного полка майору Райхманну командир танкового батальона предоставил командирский танк с радиостанцией. Это обеспечило «быструю и беспрепятственную передачу приказов».

При этом следует подчеркнуть, что речь не идет о низкой стойкости войск как таковой. В отчете о действиях мотострелков 2-й тд прямым текстом указывается: «Потери противника убитыми и ранеными превосходят число пленных». Сопrotивление было упорное и люди буквально ложились костями на пути идущих к столице СССР орд Чингисхана нового времени. Противником достаточно высоко оценивались действия К.К. Рокоссовского. В ЖБД 4-й ТГр 25 октября указывалось: «Перед фронтом корпуса [V АК. – А.И.] находятся две дивизии противника (316-я и 77-я), которыми осуществляется единое качественное руководство».

Собственно, если перечислять причины прорыва с советской стороны, то возглавлять список будет отсутствие танков, энергично использовавшихся в бою на других направлениях. Танковые бригады становились «арматурой» обороны и далеко не все предпринятые боевой группой Бака 2-й тд в течение 25 октября маневры выглядят реализуемыми под контрударами

танков пусть даже одной советской бригады. Вторым фактором являлись разреженные порядки советской пехоты, что позволило противнику результативно расшатывать противотанковую оборону атаками «автоматчиков».

Командование советской 16-й армии в деревне Устинове. Справа налево: начальник штаба 16-й армии генерал-майор М.С. Малинин; член Военного совета 16-й армии дивизионный комиссар А.А. Лобачев; нач. политотдела 16-й армии Масленое

Параллельно борьбе за противотанковые опорные пункты происходил выход из окружения батальона Баурджана Момыш-Улы. В 7.00 25 октября в практически изолированный батальон прибыл посыльный из штаба дивизии с приказом выходить на северо-восток, к Крюково (упоминавшийся выше приказ на вывод в резерв). Предполагаемый маршрут пролегал через совхоз им. Сталина, деревни Дубосеково и Грядки. Однако быстро выяснилось, что Дубосеково уже занято противником. Попытка выйти на дорогу через Рюховское также успеха не имела, выбравшись из леса под Милованье, бойцы Момыш-Улы встретили танки – атака группы Бака на Спасе-Рюховское уже шла полным ходом. Разведка показала, что все окружающие деревни уже заняты противником. Действительно, к середине дня 25 октября и Спасе-Рюховское, и Рюховское уже оказались заняты. Собственно, это еще один ответ на вопрос об успехе немецкого прорыва: промедление привело бы к усилению гарнизона Пагубино, а то и Рюховского крепким стрелковым батальоном (как это и планировал И.В. Панфилов).

Оказавшись в «подкове» из занятых врагом деревень, Момыш-Улы принял решение отходить через лес на север, причем не бросая артиллерию (7 орудий с зарядными ящиками) и обоз. Вперед комбат выдвигает команду с пилами и топорами для прокладки просеки. К Волоколамску батальон выходит к 13.00 26 октября, потеряв всего одно орудие, 1 человека убитым и 6 ранеными. Попытка силового прорыва даже мелкими группами, скорее всего, была бы обречена на неудачу и большие потери.

Судьба 525-го полка ПТО демонстрирует влияние распутицы на обе стороны тех боев. В докладе В.И. Казакова по итогам боев указывалось: «Попытки вывести материальную часть из-за плохого состояния дорог оказались безуспешными. Автомшины ЗИС-5 не могли вывести даже с ОП 85 м/м орудия. Командир полка отдал приказ – взорвать орудия, что и было

сделано»¹⁶. В итоге было взорвано семь 85-мм орудий. Немцы для своих 88-мм зениток располагали полугусеничными тягачами, способными преодолевать раскисшие дороги.

В конце дня 25 октября, как ни странно это может прозвучать, создавались неплохие предпосылки для удержания Волоколамска. К городу на всех парах двигалась из резерва 28-я танковая бригада, располагавшая в том числе тяжелыми танками КВ. Это давало в руки К.К. Рокоссовского сильный аргумент как против немецкой пехоты, так и против боевых групп 2-й тд. К сожалению, выделенный 16-й армии подвижный резерв до Волоколамска так и не добрался. На соседнем, Можайском направлении, произошел прорыв противника в глубину (как он произошел, подробнее см. ниже).

10-я тд XXXX тк ударом с юга захватила Рузу и продвинулась далее до Скирманово. Такой прорыв трудно назвать иначе как катастрофой, т. к. он угрожал тылам 16-й армии. Более того, немецкие танки оказались в непосредственной близости от штаба К.К. Рокоссовского в Язвище.

В ходе переговоров Г.К. Жукова с К.К. Рокоссовским, состоявшихся вскоре после полуночи (в ночь на 26 октября), командующий 16-й армии предлагал выставить против прорвавшегося противника заслон из 18-й сд. Рокоссовский изложил свой план так: «считаю более целесообразно дать ему бой на рубеже обороны 18-й сд, расстроить его огнем обороны и добить действиями танковой бригады, не выбрасывая танков вперед для самостоятельных действий вне взаимодействия со своими войсками». Однако командующий Западным фронтом не поддержал командарма. Жуков прямо усомнился в плане «расстроить огнем обороны»: «Допускать подвижного противника с танками со слабой обороной дивизии двухполкового состава, только что сформированной, будет неправильно. Такую оборону он сумеет смять прежде, чем будет оказано противодействие». Наиболее действенным средством борьбы являлись танковые бригады. Рокоссовский сразу же предлагал задействовать недавно переданную ему 28-ю тбр, Жуков его поддержал и добавил 4-ю тбр М.Е. Катюкова, а также пообещал возможность использовать фронтовой резерв, 27-ю тбр. Последняя в тот момент выгружалась в Истре.

Надо сказать, что К.К. Рокоссовский в разговоре с Г.К. Жуковым напомнил ему, что Скирманово находится за линией разграничения 16-й и 5-й армии, находясь в полосе соседа. Командующий 16-й армии прямо сказал, что два проблемных направления для него это перебор: «Руководить этой операцией для меня затруднительно, так как из Ваших слов я должен буду руководить операциями у Волоколамска». Жуков подтвердил сохранение разграничительной линии, но отклонил вопрос о руководстве операцией Л.А. Говоровым: «противник выходит на Ваше Ново-Петровское, где развернута Ваша 18 сд». Жуков также пообещал Рокоссовскому помощь в управлении войсками под Скирманово в лице заместителя командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Богданова и Г.К. Маландина из штаба фронта.

Собственно, для К.К. Рокоссовского прорыв через Рузу на Скирманово означал невозможность использования под Волоколамском 28-ю тбр, которая находилась уже на пути к городу. Нет сомнений, что она могла повлиять на бой с танками и мотопехотой 2-й тд немцев. Бригада, которой тогда командовал подполковник К.А. Малыгин, один из ветеранов Приграничного сражения на Украине (тогда он служил в 22-м МК), перехватывается новым приказом буквально по дороге. Позднее в мемуарах тов. К.А. Малыгин рассказал трогательную историю о командирском чутье и чернооких девушках, поведавших о немецких танках в Скирманово. Однако в собственноручно подписанном докладе по горячим следам событий обстоятельства поворота на Скирманово оказываются более прозаичными: на марше поступает приказ штаба фронта «уничтожить Покровскую группировку противника». Причем Жуков не ограничился передачей приказа, а предпочел лично развеять все сомнения комбрига относительно приоритета поставленных задач, Малыгин в докладе прямо пишет: «Меня вызвал к телефону генерал

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 230. Л. 97.

армии тов. Жуков и подтвердил задачу»¹⁷. К.А. Малыгин подчинил себе «батальон истребителей» местного ополчения, позднее в мемуарах он их описал так: «У здания райисполкома толпилось около сотни вооруженных винтовками ополченцев под командой милиционера при револьвере, пашке и бинокле, сидевшего на рослом белом коне»¹⁸. Однако попытка его использовать для разведки успеха не имела. Как писал Малыгин: «Батальон истребителей, ведя разведку, попал под огонь танков и разбежался». Впрочем, от необстрелянных людей трудно ожидать грамотных действий уже в первом бою.

Попытки разведать обходные пути результата не принесли. В этом отношении оценка в мемуарах К.А. Малыгина совпадает с его докладом 1941 г.: «Местность нам тоже не благоприятствует: узкая поляна между лесными массивами – единственный проход для танков»¹⁹. Искать более дальний обход и оставлять шоссе неприкрытым командир бригады счел нецелесообразным.

Командир 28-й тбр проводит разведку боем силами одного танка КВ и одного Т-34. Это позволяет по силе огня оценить силы противника не менее чем в 10–15 танков, включая «средние» (имелись в виду, вероятно, Pz.IV). В ночь на 26 октября организуется пеший ночной поиск, К. Малыгин в мемуарах пишет, что его провел один рядовой З. Рахматуллин. Разведчика подбросили поближе к Скирманово по шоссе на мотоцикле, а дальше он шел пешком. Результатом поиска стала оценка сил противника в один танковый батальон, что в принципе отвечало действительному положению дел.

Любопытно отметить, что передвижения советских танков не остались незамеченными. Ввиду израсходования горючего группой в Скирманово, для воздействия на 28-ю тбр привлекли авиацию. В отчете 1с 10-й тд указывалось: «20 вражеских танков на дороге в 5 км южнее Ново-Петровского, еще 15 танков в деревне Рождественское. Их атакуют «Штуки»». В советских документах налеты не упоминаются.

К 8.00 26 октября К.А. Малыгин имел достаточно точные данные о противнике. Однако еще в полночь представитель штаба фронта генерал-лейтенант Герман Капитонович Маландин отдал приказ атаковать Скирманово, исходя из оценки наличия в деревне всего 5 танков противника. Для контроля исполнения своего приказа генерал Маландин оставляет подполковника Мякухина и полкового комиссара Игумнова (из Политуправления КА). Они требовали атаки Скирманово, невзирая на все возражения командира бригады. В 9.00–9.30 последовала артподготовка, за ней – налет «катюш», после которого в атаку пошли танки с ротой пехоты из 18-й сд (мотострелки 28-й тбр еще не подошли). Атака предсказуемо отражается немцами, на поле боя остаются 1 КВ и 5 Т-34 (в том числе 4 сгоревшими), повреждения получают еще 2 КВ, 3 Т-34 и 1 Т-40. Причиной успеха немцев в обороне, очевидно, является наличие в боевой группе в Скирманово 8 8-мм зениток и др. артсистем, успешно дотащенных от Рузы полугусеничными тягачами. Бригада К.А. Малыгина переходит к обороне, это решение подтверждает Маландин.

¹⁷ ЦАМО РФ Ф. 358. Оп. 5916. Д. 20. Л. 1.

¹⁸ Малыгин К. А. В центре боевого порядка. М.: Воениздат, 1986. С. 25.

¹⁹ Малыгин К. А. Указ. соч. С. 28.

Немецкие солдаты в ожидании приказа на атаку

Имелась также еще одна причина не спешить с атакой Скирманово (и странно, что про нее комбриг не написал, ни в мемуарах, ни в отчете): в 28-й тбр к началу боя не имелось бронбойных снарядов. Танки бригады вынуждены были вести огонь по танкам противника осколочными. Хуже того, приданные танкам два противотанковых орудия ввиду неисправности бойков не сделали ни одного выстрела. Все это довольно быстро вскрылось. По распоряжению Г.К. Жукова последовало разбирательство, причем Г.К. Маландина заставили писать объяснительную по Скирманово в адрес начштаба фронта В.Д. Соколовского. Маландин свой нажим на К.А. Малыгина отрицал. Однако в материалах разбирательства неудачного боя за Скирманово есть приказ за подписью Г.К. Маландина, отправлявший 28-ю тбр в бой. С оценкой сил противника в Скирманово «5 танков». Возможно, именно за агрессивный стиль руководства в целом, и конкретно за жалкие оправдания по Скирманово с попытками отрицать очевидное, Г.К. Маландин в ноябре 1941 г. снимается с должности и назначается начальником кафедры Академии Генерального Штаба имени К.Е. Ворошилова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.